

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2026-30-1-308-320>

EDN: QMBNKV

Научная статья / Research Article

Фоновое знание: существует ли оно?

О.Е. Столярова

Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», Москва, Российская Федерация

 olgastoliarova@mail.ru

Аннотация. Философия, традиционно ориентированная на рациональное мышление, сталкивается с парадоксом при анализе фонового знания — неартикулированного, имплицитного когнитивного опыта, управляющего явным знанием. Исследуется, как философия, будучи рефлексией второго порядка, подходит к феномену, который по определению остается за пределами осознания. Кратко анализируются классические концепции знания (позитивизм, аналитическая философия) и их кризис в XX в., который привел к расширению понятия знания. Акцент делается на теории Майкла Поланьи о неявном знании, которое разделяется на практическое («знание-как») и концептуальное. Показано, что фоновое знание выступает ключевым объяснительным ресурсом в социогуманитарных науках, заменяя каузальные модели естествознания генетическими ретроспекциями. Однако его онтологический статус проблематичен: будучи нерелексируемым, оно сохраняет черты «круглого квадрата» — существует как причина явного знания, но отрицает собственную познаваемость. Автор выявляет противоречия между безальтернативностью фонового знания и необходимостью его критической оценки. Через призму метафизики обоснования (grounding) фоновое знание интерпретируется как исторически обусловленный фундамент когнитивного опыта, чья принудительная сила раскрывается лишь ретроспективно. Предложен подход, связывающий эпистемологию с исторической онтологией, где фоновое знание существует как «прошлое-в-настоящем», опосредованное коллективной рефлексией. Этот подход отвечает стремлению философии преодолеть разрыв между рациональной критикой и неартикулируемыми основаниями знания.

Ключевые слова: неявное знание, эпистемология, Майкл Поланьи, онтология, метафизика обоснования, историческая рефлексия

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Научного Фонда, проект № 25-28-00120 «Фоновое знание как эпистемологическая проблема».

© Столярова О.Е., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Статья поступила 30.08.2025

Статья принята к публикации 10.12.2025

Для цитирования: *Столярова О.Е.* Фоновое знание: существует ли оно? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2026. Т. 30. № 1. С. 308–320. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2026-30-1-308-320> EDN QMBNKV

Background Knowledge: Does it Exist?

Olga E. Stoliarova

Inter-Regional Non-Government Organization “Russian Society of History and Philosophy of Science”, Moscow, Russian Federation

 olgastoliarova@mail.ru

Abstract. Philosophy, traditionally focused on rational thinking, encounters a paradox when analyzing background knowledge — unarticulated, implicit cognitive experience that governs explicit knowledge. The article explores how philosophy, as a second-order reflection, approaches a phenomenon that by definition remains beyond conscious awareness. It briefly examines classical concepts of knowledge (positivism, analytic philosophy) and their crisis in the 20th century, which led to an inclusive redefinition of the notion of knowledge. The focus is on Michael Polanyi’s theory of tacit knowledge, divided into practical (“know-how”) and conceptual dimensions. The study demonstrates that background knowledge serves as a key explanatory resource in the social sciences and humanities, replacing natural science’s causal models with genetic retrospections. However, its ontological status remains problematic: being non-reflective, it retains the features of a “round square” — existing as a cause of explicit knowledge while denying its own cognizability. The author reveals contradictions between the non-alternative nature of background knowledge and the necessity of its critical evaluation. Through the lens of the metaphysics of grounding, background knowledge is interpreted as a historically conditioned foundation of cognitive experience, whose compelling force is revealed only retrospectively. The article proposes an approach linking epistemology with historical ontology, where background knowledge exists as “past-in-the-present,” mediated by collective reflection. This approach responds to philosophy’s aspiration to overcome the gap between rational critique and the unarticulated foundations of knowledge.

Keywords: tacit knowledge, epistemology, ontology, Michael Polanyi, metaphysics of grounding, historical reflection

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Funding of Sources. The research was supported by Russian Science Foundation, project N 25-28-00120 “Background Knowledge as an Epistemological Problem”.

Article history:

The article was submitted on 30.08.2025

The article was accepted on 01.12.2025

For citation: Stoliarova OE. Background Knowledge: Does it Exist? *RUDN Journal of Philosophy*. 2026;30(1):308–320. (In Russian) <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2026-30-1-308-320> EDN QMBNKV

Введение

Среди всего многообразия дисциплин и культурных практик философия выделяется тем, что она при описании мира и опыта ориентирована на разум в наибольшей степени. Рациональное мышление — альфа и омега философии; ни переживание прекрасного, ни интуитивное постижение истины, ни чувственное восприятие не играют в философии такой важной роли, какую играет разум. Хотя философы могут высказываться о любом опыте и любой практике (существуют философия искусства, философия религии, философия науки), но эта практика и этот опыт анализируются и оцениваются извне, с позиций разума, а не самого опыта. Философия обращена ко всем человеческим субъектам в той мере, в какой они способны занять внешнюю позицию разума по отношению к тому многообразию опыта, который они проживают. Философия апеллирует прежде всего к способности рассуждать — формулировать мысли, обмениваться доводами, приходиться к обоснованным заключениям. Ее область — артикулированное знание, т. е. такое, которое выражено субъектом в форме, доступной рациональной оценке со стороны других субъектов. Поэтому, когда философия проявляет интерес к неартикулированному, фоновому, или имплицитному знанию¹ [1–5], мы вправе предположить, что цель ее состоит в том, чтобы подвергнуть феномен фонового знания рациональной оценке наподобие того, как оценивает она все прочие формы человеческой жизни и практики.

Однако с фоновым знанием дело обстоит несколько иначе. Если прочие человеческие практики, о которых судит философия, доступны так или иначе внешнему наблюдателю, то фоновое знание, напротив, совершенно недоступно ни наблюдению, ни оценке. Если ориентироваться на формулировку Поланьи — «мы знаем больше, чем мы можем высказать» [2. Р. 4], — то оно по определению всегда остается за кадром, тайно, как серый кардинал, управляя артикулированным знанием. Существует множество философских концепций философии. На мой взгляд, наиболее точно дух философского предприятия передает неокантианская концепция, согласно которой философия — это познавательная деятельность второго порядка². Иными словами,

¹ Термин «фоновое знание» здесь употребляется как синоним неартикулированного, неявного, имплицитного знания. В английском языке термины “tacit knowledge”, “implicit knowledge”, “inarticulate knowledge”, “background knowledge” так же употребляются часто как взаимозаменяемые.

² Я следую в этом за Р. Дж. Коллингвудом, который понимает философию в неокантианском духе — как рефлексию над уже состоявшимся познавательным опытом. Для Коллингвуда философское мышление обращено к тем предпосылкам и установкам, которые не предъявляются в явном виде в теоретических и обыденных высказываниях, но делают эти высказы-

философское познание направлено на состоявшийся когнитивный опыт, оно есть рефлексия по поводу состоявшегося знания. В таком случае интерес философии к фоновому знанию, которое никогда не появляется на сцене, т. е. никогда не может считаться состоявшимся, тем более заслуживает внимания. Ниже я кратко рассмотрю существующие концепции фонового знания с целью выделить их общие характеристики. Далее я перейду к вопросу о том, какую роль фоновое знание играет в эпистемологии, а также, о том, что оно представляет собой в отношении философской онтологии (в каком смысле оно существует).

Расширение концепции знания

Долгое время философы отдавали предпочтение концепциям верифицируемого, обоснованного знания. Во многом эта позиция определялась успехами естественных наук, в которых факты и доказательства образовали единую универсальную методологию, направленную на достижение объективного знания. В позитивистской модели научного познания проверке и верификации подлежит эксплицитное, артикулированное знание, имеющее определенное значение. Традиционная концепция знания как обоснованного истинного мнения, которой придерживались аналитические философы, так же настаивала на том, что знание должно быть ясно и отчетливо сформулировано. Оно должно быть прозрачно для самого познающего и для любого рационального субъекта, к которому оно обращено.

Пересмотр концепции знания начинается постепенно в разных философских традициях и к середине прошлого века принимает лавинообразный характер. В феноменологии, экзистенциализме, структурализме и постструктурализме, аналитической философии, истории и философии науки, прагматизме, философии сознания, герменевтике и многих других направлениях мысли классические представления о знании подвергаются критике и опровергаются. Признается, что феномен знания имеет намного более неопределенные границы, чем это ранее постулировалось, что знание слабо связано с истиной, что любое обоснование знания, в свою очередь, требует обоснования и т. д. Неудачу потерпела попытка позитивизма жестко привязать знание к фактам, равно как и попытка аналитических философов раз и навсегда прояснить и упорядочить значения языковых выражений и добиться однозначности при их использовании [7]. Не увенчалась победой также попытка основателя феноменологии Э. Гуссерля и его последователей отстоять научную строгость философского рационализма. В этой ситуации философские доктрины, которые расширяли понятие знания, оказались чрезвычайно

вания вообще возможными. Философия, таким образом, не добавляет к уже имеющимся знаниям еще один слой утверждений о мире, а занимается реконструкцией того фонового слоя допущений, в рамках которого эти знания возникают, рационально обосновываются или воспринимаются как самоочевидные [6. Р. 1–53].

востребованы. Одной из таких концепций стала идея Майкла Поланьи о неявном знании, которым обладает субъект, хотя и не может его выразить³.

Поланьи опирался на модель восприятия, которая была сформулирована в гештальтпсихологии. Согласно этой модели, существует фокальное и периферическое восприятие предметов. То, на что направлено наше внимание, подлежит полному осознанию, а то, что не попадает в фокус, играет второстепенную роль, участвуя в восприятии «в размытом виде». Однако именно периферическое восприятие ответственно за целостное схватывание предметов. Поланьи перенес эту модель на научное познание, утверждая, что коллективное объективное знание, которое производит наука, — это артикулированная часть более сложного процесса. За явно выраженной частью научного знания, представленной в утверждениях и теориях, лежит личностное знание. Последнее носит практический, телесный характер и приобретает в ходе социального взаимодействия («знание-как»). «Знание-как» не попадает на страницы учебников, не обсуждается на научных мероприятиях, но оно наделяет ученых необходимыми навыками для выполнения научных задач.

По мнению многих исследователей, концепция неявного знания Поланьи была слабо разработанной и не вполне согласовывалась даже с его собственными взглядами. Она поставила больше вопросов о природе и структуре знания, чем дала ответов [8–10]. Тем не менее, она приобрела широкую известность и сообщила новый импульс поискам инклюзивных моделей знания. Она задала два главных направления дальнейшего развития идеи неявного знания, назовем их — телесно-практическое и концептуальное. В первом упор сделан на перцептивный аспект. В этом случае важную роль играли феноменологическое понятие горизонта восприятия, категория телесного экзистенциального опыта, концепт жизненного мира и т. п. Так, Х. Дрейфус, сторонник телесного фонового знания, защищает приоритет «знания-как» по отношению к «знанию-что». Дрейфус опирается на идеи М. Хайдеггера о вещи как ближайшем подручном средстве, которое обеспечивает телесную вовлеченность субъекта в конкретное бытие (*Dasein*). На основании того, что мыслить может только целостный организм, наделенный телом, встроенным в окружающую среду, Дрейфус критикует искусственный интеллект. С точки зрения Дрейфуса, ИИ не умеет мыслить, потому что не имеет человеческого тела. Алгоритмические операции представляют собой не холистическое мышление,

³ Стивен Тернер выделяет три источника формирования концепции фонового (неявного) знания в период до первой классической формулировки, предложенной М. Поланьи: 1) неокантианство с его идеей категорий культуры, организующих опыт науки, 2) прагматизм, развивающий идеи Юма об опыте как привычке и привычке как основе понимания; 3) философию жизни, феноменологию и гештальт-психологию с их идеей целостного восприятия [8. Р. 183–184]. Я бы добавила к этому списку еще, как минимум, три традиции — марксизм с его концепцией производственного базиса, определяющего сознание, психоанализ З. Фрейда, в первую очередь, идею бессознательного, структурную лингвистику Ф. де Соссюра, в которой подчеркивалась зависимость значений слов от языковых контекстов.

а дискретные вычисления, и, соответственно, они не способны понять окружающий мир [11]. Концептуальное направление подчеркивает значимость культурного контекста, идей и ценностей как создающих условия для того или иного восприятия. Идеи и ценности нагружают факты и утверждения о фактах дополнительными (теоретическими) представлениями, если речь идет об опыте науки. Парадигмы Т. Куна представляют собой пример концептуального фонового знания. Они транслируют образ мира и научного познания, который в определенном смысле навязывается ученым, решающим частные задачи в рамках этих парадигм (картин мира).

Телесный и концептуальный аспекты тяготеют друг к другу, что отвечает общему направлению расширения концепции знания. Телесный опыт уже содержит в себе некоторое знание [12], а концептуальные и ценностные аспекты парадигмы передаются в ходе практического взаимодействия, из рук в руки. Симбиоз практического и концептуального фонового знания можно увидеть в работе авторского тандема Х. Дрейфуса и Ч. Тейлора [13]. Авторы отстаивают концепцию практического реализма, согласно которой знание укоренено в телесной активности. Оно обеспечивает субъекту прямой доступ к миру и выступает фоном теоретического знания. За эту часть концепции, по всей видимости, отвечают идеи Дрейфуса. Авторы также опровергают интеллектуализм и идущую с ним рука об руку теорию истины как репрезентации. По мнению Дрейфуса и Тейлора, данная парадигма — “captive picture”⁴ — долгое время довлела над философией и приводила к искаженным трактовкам реализма и опыта. Концепт “captive picture” отсылает к идеям Тейлора об исторической смене крупных нарративов, управляющих общественным сознанием.

Местом пересечения телесного и концептуального фонового знания признается территория социального. Это очерченная еще Кантом область практического разума, где ценности и цели преобразуются в социальный порядок и социальное взаимодействие. Однако баланс телесного (практически-перцептивного) и концептуального довольно хрупкий, периодически центр тяжести фонового знания смещается то в одну, то в другую сторону. Например, в центре внимания исторических эпистемологов и исторически ориентированных философов науки находятся по преимуществу концептуальные схемы, которые отвечают за конкретные познавательные практики и результаты [14]. Но если мы обратимся к социологам познания, социальным эпистемологам и, в особенности, представителям *Science and technology studies* (STS), то мы увидим, что для многих из них, напротив, телесные и практические контексты познания оказываются первичными по отношению к концептуальным схемам [15]. Чтобы устранить перекося в сторону телесного компонента Гарри Коллинз, автор одной из самых известных сегодня концепций неявного знания, вводит критерий минимальной воплощенности (*embodiment*), необходимой для распространения неявного знания. Последнее распространяется в ходе

⁴ Концепт “captive picture” авторы заимствуют у Л. Витгенштейна.

языкового общения. Отсюда и проистекает требование минимальной воплощенности, без которой не могли бы осуществиться языковая коммуникация и социализация. Хотя неявное знание распространяется посредством языка, оно не сводимо к физической, телесной составляющей языка и не выводимо из нее как минимум логически; оно совпадает с идеальным, или смысловым аспектом социального контекста [4. Р. 136].

Фоновое знания как источник объяснения

Сегодня концепции фонового знания присутствуют едва ли не во всех социогуманитарных дисциплинах от лингвистики и когнитивистики до социологии, истории и STS, не говоря уже о философии. При всех различиях этих концепций и областей их применения существует структурное и содержательное сходство между ними. В каждой из них фоновое знание выступает как источник объяснения. Мы сталкиваемся с некоторым фактом, который, как мы полагаем, нуждается в объяснении. Например, таковым фактом для Т. Куна и для Д. Блура была смена научных теорий. Для Г. Коллинза таковым фактом становится принятие решений относительно результатов экспериментов и закрытие споров в научных лабораториях. Для социальных конструктивистов таковым фактом являются социальные представления. В этой же роли могут выступать поведение и взаимодействие индивидов, философские теории, литературные произведения и произведения искусства. Вообще говоря, в этой роли могут выступать любые результаты человеческой деятельности в той мере, в какой они осознаваемы. Социолог или философ, психолог или когнитивист, лингвист или литературовед, историк или этнограф начинает с некоего установленного факта, который следует объяснить. Далее он обращается к механизмам его порождения и выдвигает гипотезу фонового знания (предпосылок, диспозиций, допущений и т. п.), объясняющую происхождение и существование данного факта в том его виде, в каком мы его наблюдаем.

Нетрудно заметить, что такая схема объяснения характерна не только для социогуманитарного, но и для естественно-научного знания. Объяснение и гипотеза в науке играют роль не меньшую, чем наблюдение и описание. Однако именно в социогуманитарном знании речь идет об объяснении одного знания посредством другого знания. В естественных науках самыми распространенными типами объяснения являются каузальное и номологическое. Объяснение посредством фонового знания ближе всего соответствует каузальному объяснению⁵, так как оно учитывает временную составляющую. Чтобы выступать в качестве источника объяснения эксплицитного знания,

⁵ Я имею в виду каузальное объяснение как альтернативу модели охватывающих законов К.Г. Гемпеля. Эта альтернатива представлена в работах У Сэлмона, М. Бунге, Р. Харре, Р. Бхаскара и др. Здесь каузальное объяснение не формальное, а содержательное; оно направлено на конкретные причинные механизмы и взаимодействия, наполнено онтологическими смыслами, учитывает теоретический контекст объясняемого феномена.

фоновое знание должно и во временном, и в смысловом отношении предшествовать объясняемому (эксплицитному) знанию⁶. Такого рода объяснения называют генетическими (историческими). Мы начинаем объяснение с более позднего события, а именно с того или иного факта, но для целей объяснения мы осуществляем ретроспекцию: возвращаемся назад во времени, прослеживая механизмы порождения объясняемого явления. Модель ретроспективного объяснения⁷ отчетливо прослеживается в схеме, посредством которой Иан Хакинг описывает подход социального конструктивизма: X существует и принимается на веру как таковой и неизбежный; X на самом деле есть следствие исторических и социальных (контингентных) причин; X контингентен и, соответственно, мог бы быть иным [16]. X здесь — любой социальный феномен, который нуждается в объяснении. Вопрос о том, необходимы или случайны причины, породившие X, мы в данном случае оставим в стороне. Сейчас для нас важно подчеркнуть общность структуры ретроспективного объяснения.

Похожая схема, хотя и с собственной спецификой, прослеживается и в объяснении феномена совсем, казалось бы, иного рода — езды на велосипеде. Пример езды на велосипеде стал парадигмальным для дискурса неявного знания. Получив опыт езды на велосипеде индивид безотчетно применяет этот опыт, не умея выразить его словами. Полученные телесные навыки служат причиной езды на велосипеде, но они находятся в бэкграунде и не могут быть извлечены оттуда без специальных усилий, направленных на экспликацию этих навыков.

И в случае социального конструктивизма, и в случае примера езды на велосипеде, и во множестве других случаев обращения к фоновому знанию мы имеем дело с экспликацией причин, порождающих наблюдаемые феномены. На каком основании мы идентифицируем эти причины со знанием? Почему мы пытаемся объяснить одним знанием (фоновым) другое знание (явное)? Обратимся еще раз к естественным наукам для сравнения. В естественных науках источником объяснения тех или иных фактов выступают природные события и процессы. С точки зрения естественных наук, не существует иных причин, кроме природных, которые отвечали бы за наблюдаемые события. В философии науки этот принцип назван каузальной замкнутостью

⁶ Строго говоря, фоновое знание может выступать как предшествующее явному знанию логически (структурно), но не исторически (темпорально). Так в концепции Канта трансцендентальные условия возможности знания предшествуют конкретному знанию логически, но не темпорально; хотя в определенном смысле трансцендентальные способности предшествуют знанию также и темпорально, будучи врожденными свойствами познающего субъекта. Что же касается современных интерпретаций фонового знания, то поскольку здесь речь идет о телесно-практических и социальных механизмах порождения, темпоральная составляющая этих механизмов оказывается принципиально важной.

⁷ Эту модель также называют регрессивным трансцендентальным аргументом, так как объяснение направлено на раскрытие условий возможности объясняемого феномена.

физического. В соответствии с этим принципом следствием физической причины может быть только физическое событие. Допустим, социогуманитарное знание отдает поиск причин тех фактов, которые его интересуют, на откуп естественно-научному знанию. Тогда объясняемые факты в соответствии с принципом каузальной замкнутости физического теряют свою социогуманитарную специфику. Иначе говоря, происходит редукция смысловых компонентов знания к физическим компонентам. В такой редукции социогуманитарное знание не заинтересовано. У социогуманитарного знания имеется потребность в построении объясняющих моделей, и она реализуется посредством поиска и экспликации причин, которые априори относятся к области социального [17]. По аналогии с принципом каузальной замкнутости физического можно сказать, что в случае с фоновым знанием мы имеем дело с принципом каузальной замкнутости эпистемологического. Когда речь идет об объяснении тех феноменов, в которых главным является познавательный аспект, обращение к фоновому знанию как источнику объяснения представляется методологически оправданным.

Фоновое знание на фоне онтологии

Дальше, однако, начинаются трудности. Основное отличие фонового (неявного, имплицитного и т. п.) знания от явного (артикулированного, эксплицитного и т. п.) знания состоит в том, что первое остается неизвестным. В каком же смысле оно является знанием? Возможно ли указать на такие характеристики фонового знания, которые позволяют ему, оставаясь неизвестным, представлять собой, тем не менее, познавательный опыт? Могло бы перцептивное содержание опыта, которое вызвано телесной реакцией на внешние раздражители, быть признано таковым знанием? Как утверждает позитивистская концепция чувственного опыта, нейтральные чувственные данные не являются знанием. Это материал, который организуется посредством языковых и теоретических каркасов (начиная с базисных утверждений, если речь идет о науке), и именно поэтому становится артикулированным знанием, доступным верификации и интересубъективной оценке. Иначе говоря, либо мы имеем чувственные данные, которые еще не стали знанием и поэтому они не известны, либо мы имеем знание, которое получает концептуальное выражение и становится известным. Согласимся с критиками позитивизма (О.У. Куайном, У. Селларсом, П. Стросоном и др.) в том, что нейтральных чувственных данных не существует, и что все они «заражены» интерпретацией, т. е. в той или иной степени концептуализированы. Тогда ничто не мешает нам признать, что мы, приобретая опыт, одновременно приобретаем и знание, встроенное в этот опыт. В каком же смысле это знание остается неизвестным? Очевидно, что знание становится известным своему носителю тогда, когда оно осознается. Это происходит тогда, когда мы осуществляем двойную познавательную операцию — приобретаем некое знание и приобретаем знание об этом знании. Вторая часть этой познавательной операции

называется рефлексией. Если это так, то в случае фонового знания мы имеем дело с приобретенным, но неотрефлексированным знанием. Такое знание часто определяют как принятое на веру.

О том, что фоновое знание — это знание, не подвергнутое рефлексии, говорит Р.Дж. Коллингвуд, один из сторонников неокантианской концепции концептуального фонового знания. Почему люди о чем-то умалчивают? Либо по причине того, что не хотят или не могут высказать нечто определенное, либо потому, что не считают нужным говорить о само собой разумеющемся [18. Р. 119]. Похожую картину привычного рисует Л. Витгенштейн в «Философских исследованиях», на которую ссылаются Дрейфус и Тейлор в вышеотмеченной совместной работе. Все наши представления, суждения, оценки и т. п. осуществляются внутри более обширного представления о мире, которое не подвергается сомнению, поскольку встроено в язык и воспринимается как единственно возможное [13. Р. 1].

Мы подошли к самым важным, на мой взгляд, характеристикам фонового знания — безальтернативности и привычности, — в силу которых оно остается неотрефлексированным. С этими характеристиками мы пока еще связываем надежды на то, что нам удастся провести границу между фоновым и явным знанием и легитимно использовать фоновое знание как источник объяснения. Приглядимся к ним внимательнее. Допустим, мы в процессе социализации через посредство языка усваиваем какие-то «истины», которые становятся для нас самоочевидными. Допустим, мы живем «внутри» этих истин, подчиняясь их абсолютной принудительной силе, или находимся «в плену» у картины мира, которая полностью совпадает для нас с миром. Тогда вопрос о том, являются ли эти истины или картина мира безальтернативными, даже не возникнет. Он может возникнуть лишь при условии того, что существует хотя бы минимальный «люфт» между действительным и возможным, т. е., если мы допускаем гипотетическую возможность альтернативы. Допустим, мы отвергнем таковую возможность, но ее отвержение требует осознанности, и пока мы не взвесим эти истины на весах критического разума, мы не можем ни согласиться на них, ни отказаться от них.

Следовательно, фоновое знание либо обладает абсолютной принудительной силой, но тогда мы не можем судить о том, является ли оно привычным и безальтернативным, либо оно в какой-то мере осознается и перестает быть фоновым. Вообще говоря, выражение «принять на веру», или «принять за само собой разумеющееся», уже несет в себе оценочные смыслы. Ключевое значение имеет глагол «принять», который указывает на элемент активности познающего субъекта. Принимая нечто не веру, субъект делает выбор, пусть, не в полной мере осознаваемый, но, тем не менее, выбор: принять на веру можно только то, в чем *в принципе* можно усомниться. Таким образом, фоновое знание демонстрирует нам противоречивые свойства. Оно принудительно, и в то же время оно указывает на альтернативу и возможность выбора; оно несет в себе определенное содержание и в то же время остается не известным тому, кто его приобретает.

Возможно наше рассуждение имеет силу для концептуального фонового знания, но не подходит для телесного. Телесное фоновое знание, казалось бы, не сообщает нам ни идей, ни ценностей, ни картин мира, которые можно было бы принять на веру. Если следовать его сторонникам, то оно, скорее, представляет собой способность адаптации к окружающей среде, присущую всем живым организмам. Однако нужно иметь в виду, что мы используем телесное фоновое знание как источник объяснения явного знания. Последнее, как мы помним, является выраженным знанием, доступным интересубъективной оценке. В таком случае мы не можем не учитывать коллективный характер телесного фонового знания [19. Р. 191] и, соответственно, мы не можем не учитывать коллективный характер представлений, встроенных в телесные практики. Мы стоим перед следующей дилеммой: либо мы признаем, что телесные практики обладают концептуальным содержанием, которое потенциально (неявно) разделяют участники этих практик, либо контекст телесных практик и навыков перестает выполнять свою объясняющую функцию по отношению к явному знанию. Но, выбирая первое, мы сталкиваемся с теми же парадоксами, которые характерны для концептуального фонового знания.

Итак, если фоновое знание — это нечто вроде круглого квадрата, то в каком же смысле оно существует? Вопрос о существовании относится не столько к эпистемологии, сколько к онтологии. Существует ли фоновое знание как элемент мира, как реальная причина фактически состоявшегося наблюдаемого познавательного опыта, выраженного в коммуникациях, текстах, образовательных практиках и т. п.? Проведем еще раз аналогию с естественными науками. Онтологический принцип каузальной замкнутости физического не позволяет исключить наблюдателя из причинно-следственной цепи наблюдаемых природных событий. Но методология объективного научного исследования требует его исключения. Эпистемолог, который судит о фоновом знании, находится в похожей ситуации. Он не может быть исключен из эпистемологической цепи объяснения одного знания посредством другого знания. Но методологически он должен быть дистанцирован от фонового знания. Именно дистанция позволяет ему увидеть, что *безальтернативное* и *привычное* могло бы быть иным. «Люфт» между действительным и возможным укладывается в историческое расстояние, которое отделяет исследователя фонового знания от его носителей. Благодаря этому расстоянию эпистемолог оказывается способен перешагнуть границы эпистемологии. Когда фоновое знание предстает как источник каузального объяснения, мы встречаемся с онтологией и даже, не побоюсь этого слова, *метафизикой* когнитивного опыта. Я понимаю метафизику в ее изначальном аристотелевском смысле — как науку о фундаментальных причинах вещей, т. е. о том, что лежит в основе наблюдаемых явлений. Исходя из данного определения, дискурс фонового знания вполне можно квалифицировать как метафизический. Сошлемся также на авторитет аналитической философии, которая сегодня участвует в общем философском движении реабилитации метафизики. Ряд

аналитических философов стремится оживить метафизическую повестку дня и заменить традиционную онтологическую проблематику существования на еще более традиционную метафизическую проблематику обоснования (grounding). Важнейшим метафизическим вопросом, как считают эти философы, является не вопрос о существовании вещей, событий и процессов в мире, а вопрос о том, как одни сущности фундируют (обосновывают, порождают) другие сущности [20; 21].

Следует уточнить, что в случае фонового знания мы имеем дело с исторически отложенной метафизикой. Принудительная каузальная сила фонового знания дополняется исторической возможностью критики и выбора предпосылок и допущений. Ретроспективно эпистемолог всегда находится в критической позиции по отношению к наивной точке зрения носителей фонового знания. Осуществляя экспликацию фонового знания, эпистемолог сообщает ему определенный способ существования — прошлого-в-настоящем. Переход из прошлого в настоящее осуществляется за счет потери сущностного свойства фонового знания — неизвестности. Потеря этого статуса компенсируется приобретением статуса каузального механизма, порождающего наблюдаемые явления. Соответственно, граница между фоновым и явным знанием проходит по временной линии, а его субъектом выступает не отдельный индивид, а исторический субъект, осуществляющий коллективную рефлексию над собственным когнитивным опытом.

Заключение

Мы рассмотрели феномен фонового знания с точки зрения трех аспектов: 1) расширения концепции знания; 2) объясняющей функции; 3) онтологического потенциала. Расширение классических эпистемологических рамок, вызванное кризисом позитивизма и аналитической традиции, позволило включить в понятие знания неартикулируемые практики и имплицитные предпосылки, что выявило его холистическую природу. Как объяснительный ресурс, фоновое знание демонстрирует парадоксы: оставаясь неизвестным, оно в то же время является знанием; будучи привычным и безальтернативным контекстом осознанного опыта, оно в то же время отсылает к своим альтернативам. Интерпретация фонового знания как исторического и коллективного феномена позволяет снять парадоксы. Фоновое знание подвергается отложенной экспликации; оно существует в режиме «прошло-в-настоящем», сохраняя статус метафизического основания, чья принудительность раскрывается лишь в момент критической рефлексии исторически дистанцированного наблюдателя.

Список литературы / References

- [1] Polanyi M. *Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy*. Chicago: University of Chicago Press; 1974.
- [2] Polanyi M. *The Tacit Dimension*. New York: Doubleday & Co.; 1966.

- [3] Turner S. *The Social Theory of Practices: Tradition, Tacit Knowledge and Presuppositions*. Cambridge: Polity Press; 1994.
- [4] Collins HM. *Tacit and Explicit Knowledge*. Chicago: University of Chicago Press; 2010.
- [5] Thomson JR, editor. *The Routledge Handbook of Philosophy and Implicit Cognition*. London and New York: Routledge; 2023.
- [6] Collingwood RG. *An Essay on Philosophical Method*. Oxford: Oxford University Press; 2005.
- [7] Джохадзе И.Д. Аналитическая философия сегодня: кризис идентичности // Логос. 2016. Т. 26. № 5 (114). С. 1–18. EDN: XCSYUH
Dzhokhadze ID. Analytical Philosophy Today: An Identity Crisis. *Logos*. 2016;26(5):1–18. (In Russian). EDN: XCSYUH
- [8] Turner S. Polanyi and Tacit Knowledge. In: Thomson JR, editor. *The Routledge Handbook of Philosophy and Implicit Cognition*. London and New York: Routledge; 2023. P. 181–190.
- [9] Thornton T. Tacit Knowledge. In: Thomson JR, editor. *The Routledge Handbook of Philosophy and Implicit Cognition*. London and New York: Routledge; 2023. P. 191–201.
- [10] Zmyślony I. Various Ideas of Tacit Knowledge — Is There a Basic One? In: Margitay T, editor. *Knowing and Being: Perspectives on the Philosophy of Michael Polanyi*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing; 2010. P. 31–49.
- [11] Dreyfus HL. *What Computers Still Can't Do*. Cambridge: MIT Press; 1999.
- [12] Ihde D. *Bodies in Technology*. Minneapolis: University of Minnesota Press; 2002.
- [13] Dreyfus HL, Taylor C. *Retrieving Realism*. Cambridge: Harvard University Press; 2015.
- [14] Хюбнер К. Критика научного разума. М. : ИФРАН, 1994. EDN: SAAFUL
Hubner K. *Criticism of scientific reason*. Moscow: IFRAN publ.; 1994. (In Russian). EDN: SAAFUL
- [15] Latour B. *Science in Action. How to Follow Scientists and Engineers Through Society*. Cambridge: Harvard University Press; 1988.
- [16] Hacking I. *The Social Construction of What?* Cambridge: Harvard University Press; 1999.
- [17] Hedström P, Ylikoski P. Causal Mechanisms in the Social Sciences. *Annual Review of Sociology*. 2010;36:49–67. DOI: 10.1146/annurev.soc.012809.102632
- [18] Collingwood RG. *The Idea of Nature*. Oxford: Oxford University Press; 1945.
- [19] Turner SP. *Understanding the Tacit*. New York and London: Routledge; 2014.
- [20] Schaffer J. On What Grounds What. In: Chalmers D et al, editors. *Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology*. Oxford: Oxford University Press; 2009. P. 347–383.
- [21] Trogon K. An Introduction to Grounding. In: Hoeltje M et al, editors. *Varieties of Dependence: Ontological Dependence, Grounding, Supervenience, Response-Dependence, (Basic Philosophical Concepts)*. Munich: Philosophia; 2013. P. 97–122.

Сведения об авторе:

Столярова Ольга Евгеньевна — доктор философских наук, научный сотрудник, Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», Россия, 105062, Москва, Лялин пер., д. 1/36, стр. 2. ORCID: 0000-0002-0033-5906. SPIN-код: 4958-6163. E-mail: olgastoliarova@mail.ru

About the author:

Stoliarova Olga E. — DSc in Philosophy, Researcher, Inter-Regional Non-Government Organization “Russian Society of History and Philosophy of Science”, 1/36 bld. 2 Lyalin Lane, Moscow, 105062, Russia. ORCID: 0000-0002-0033-5906. SPIN-code: 4958-6163. E-mail: olgastoliarova@mail.ru